

Основной характеръ проповѣди св. Іоанна Златоуста.

Св. Іоаннъ Златоустъ, и по своему внутреннему религіозно-нравственному настроенію, и по направленію своей проповѣднической дѣятельности, принадлежалъ къ поколѣнію мучениковъ, т. е. къ поколѣнію тѣхъ людей, которые просіяли въ христіанствѣ мужествомъ необычайнымъ, вѣрою непоколебимою, ревностью окрыленнаго и горячую, которые всю свою жизнь пламенѣли любовью къ Богу и желаніемъ спасенія всѣмъ людямъ. Добровольно и сознательно выдѣляли себя эти люди изъ среды язычниковъ, проходили тяжелый и длинный путь самовоспитанія въ требованіяхъ вѣры Христовой и путемъ всякихъ бѣдствій и страданій за Христа постепенно проявляли свои религіозныя убѣжденія. Въ евангельскомъ ученіи для нихъ все было одинаково дорого; каждая черта, каждый штрихъ имѣли свой смыслъ, свое значеніе. Они легко замѣчали всякую фальшь въ жизни, и тотчасъ спѣшили возстановить нарушенную гармонию, привести каждый свой шагъ въ соотвѣтствіе съ духомъ христіанства. Окруженные враждебною массою язычниковъ, принужденные непрерывно вести борьбу за свои идеалы, они не знали отдыха на избранномъ пути, ихъ вниманіе къ своему внутреннему міру никогда не ослабѣвало, ихъ одушевленіе великою идеею служенія Церкви Христовой никогда не остывало.

Поистинѣ—это было великое поколѣніе. Величіе его заключалось въ его необыкновенной религіозной восторжен-

ности, въ той горячности и энергіи, которыя сказывались во вѣхъ его словахъ и дѣлахъ. Оно было охвачено идеаломъ Христовой жизни всецѣло, безраздѣльно. Поэтому оно увѣренно шло къ побѣдѣ надъ міромъ. Тѣсно смыкались его ряды, когда язычество усиливалось разстроить ихъ. И оно дѣйствительно доставило христіанской вѣрѣ и Церкви полное торжество.

„И властители воевали противъ Церкви, и народы непрестанно возставали, когда еще мала была искра благочестія; однако они не погасили и не погубили ея, но сами они погибли,—а искра та, увеличиваясь, поднялась на высоту и объяла всю вселенную, тогда какъ всѣ вѣрныя были убиваемы, сожигаемы, низвергаемы съ утесовъ, потопляемы въ морѣ, отдаваемы дикимъ звѣрамъ“¹⁾. Экзальтированный царь-отступникъ Юліанъ, сдѣлавшій во второй половинѣ 4 вѣка послѣднюю безумную попытку возстановить язычество въ прежнемъ его блескѣ и величій, хорошо сознавалъ, что въ христіанствѣ „не только мужи, но и вѣжныя дѣти и не знавшія брака дѣвы, и вообще всякій возрастъ и каждый полъ стремятся на смерть за благочестіе“; поэтому-то онъ „терзался и досадовалъ и не хотѣлъ открыто провозгласить войну“, говоря, что „всѣ, какъ пчелы на сотѣ, полетятъ на мученичество“²⁾.

Но тогда же, во второй половинѣ 4 вѣка, уже ясно обозначилось выступленіе въ христіанствѣ новаго поколѣнія вѣрующихъ, народившагося послѣ торжества Церкви при Константѣ В. и его преемникахъ. Миръ и вообще внѣшнія успѣхи Церкви, достигнутые при первыхъ христіанскихъ императорахъ, внесли большое расслабленіе во внутреннюю жизнь вѣрующихъ. Въ религіи дѣло обстоитъ такъ же,

1) Св. І. Златоуста, Похв. бесѣда о свв. муч. Іувентинѣ и Максиминѣ.

2) Тамъ же.

какъ и въ другихъ областяхъ жизнедѣятельности челоука: покой, пріобрѣтенная увѣренность въ прочности своего положенія, отсутствіе заботъ о будущемъ—и въ религіи есть начало отцвѣтанія, замиранія. „Безопасность для благочестія есть величайшее изъ всѣхъ гоненій, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ: это хуже самаго гоненія. Безопасность, какъ бы потокъ наводняющій, разслабляетъ душу; и что зной и холодъ, тоже гоненіе и безопасность.... Безопасность наводитъ сонъ на душу, производитъ великую невнимательность и безпечность, возбуждаетъ всякаго рода страсти“¹⁾. Равнымъ образомъ, внѣшняя сила, могущество, престижъ и въ религіи кажутся весьма пріятными и люди охотнѣе становятся на сторону той вѣры, которая даетъ имъ болѣе внѣшнихъ преимуществъ, хотя бы она не вполне соответствовала внутреннимъ ихъ убѣжденіямъ. По всему этому, когда Церковь пріобрѣла и эту безопасность и этотъ престижъ, она быстро стала увеличивать свои ряды на счетъ язычества. Но, къ сожалѣнію, ея громаднѣйшія завоеванія оказались чисто територіальными и не только не соответствовали росту внутренняго благочестія въ Церкви, но даже послужили къ явному вреду для послѣдняго. Язычники, вступавшіе въ Церковь болѣе по соображеніямъ житейскаго характера, продолжали оставаться язычниками по жизни, а иногда и по вѣрованіямъ. Они нисколько не думали отказываться отъ прежнихъ своихъ привычекъ, симпатій и антипатій. Христіанство для нихъ было лишь модною одеждою, ко времени пріобрѣтенною²⁾. Вотъ эти-то христіане лишь по имени и составляли то новое поколѣніе, которое наполнило собою къ концу 4 вѣка христіанскія общины и въ городахъ и въ селахъ, и въ Азіи и въ Европѣ, и на востокъ и на

¹⁾ Бес. XXIV на Дѣян.

²⁾ Ср. Бес. на слова: *еще алчешь врагъ твой, ухлѣби его.*

западъ ¹⁾, и которое св. Златоустъ назвалъ *стыломъ*, годнымъ только для огня, обозначивъ этимъ отсутствіе у него христіанскаго благочестія, богатства добродѣтели ²⁾. Участіе, какое они принимали въ религіозныхъ спорахъ того времени, не только не приносило никакой пользы вѣрѣ и жизни христіанской, но, напротивъ, служило во вредъ всей Церкви. Вотъ, какъ горько жалуется на это св. Василий В. изображая свое время ³⁾: „Догматы благочестія извращены. уставы Церкви нарушены; любостяженіе людей, не боящихся Госнода, кидается за начальственными должностями и предсѣдательство възявъ уже предлагается въ награду за нечестіе; исчезла сановитость священническая; мало людей, паствующихъ стадо Христово разумно... Не видно точнаго исполненія церковныхъ правилъ, много стало свободы грѣшиться... Погибъ праведный судъ; всякій ходитъ по волѣ сердца своего; порокъ не знаетъ себѣ мѣры; народъ не слушаетъ увѣщаній. Невѣрные смѣются, маловѣрные колеблются; вѣра сомнительна, невѣріе проливается въ души. Молчатъ уста благочестивыхъ, развязанъ всякій хульный языкъ... Какіе источники слезъ будутъ достаточны для столькихъ несчастій“. И всего печальнѣе въ положеніи Церкви было то, что новое поколѣніе мало сознавало необходимость иныхъ привычекъ, иной жизни. Оно съ спокойной совѣстью оставалось въ Церкви, нисколько не думая объ исполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи къ ней.

Пока шла борьба съ разными ересями, корень этого великаго зла скрывался, его не замѣчали; но когда къ концу

¹⁾ Ср. Neander, Der hl. Joannes Chrysostomus, 1848, I, 272 и дал. Aimé Puech, S. Jean Chrysostome et les moeurs de son temps, 1891, p. 314—317.

²⁾ Бес. XXIV на Дѣян.: „какая польза отъ того, что много сѣна, когда можно было бы имѣть (въ Церкви) драгоценныя камни?.. Только больше пищи для огня“.

³⁾ Творенія, ч. 6. Письмо къ италійскимъ и гальскимъ епископамъ.

4 вѣка наступилъ миръ въ Церкви, онъ обнаружился во всей своей ужасающей наготѣ. Стало ясно, что блестящій вѣкъ мучениковъ остался далеко позади, и церковная жизнь вступила въ новый періодъ своего развитія. На распутии этихъ двухъ эпохъ въ исторіи христіанства и возвышается передъ нами св. Юаннъ Златоустъ. Его величественный образъ заслоняетъ собою все, что было тогда въ Церкви высокаго и святаго; онъ наполняетъ собою все поле нашего зрѣнія.

Никто не переживалъ глубокаго паденія религіозно нравственной жизни тогдашняго времени съ такою мучительною болью, какъ знаменитый пресвитеръ Антиохіи и впоствѣдствіи епископъ столицы имперіи—Константинополя, равни какъ и никто не сознавалъ необходимости борьбы съ открывшимся зломъ столь ясно и отчетливо. Святая, благородная душа Златоуста, рожденная для христіанскаго благочестія, одно временно горѣла и чувствомъ любви къ Богу и чувствомъ состраданія къ членамъ Христовой Церкви, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать достойными высокаго имени христіанъ, возродивъ ихъ къ новой жизни. И онъ выступилъ въ міръ съ апостольскою миссіею —отклонить людей отъ ихъ заблужденій, отвлечь ихъ вниманіе отъ всякихъ земныхъ пристрастій и самую „землю сдѣлать небомъ по жизни вѣрующихъ, по дерзновенію, по чудесамъ и по всему“, какъ было нѣкогда ¹⁾. Его современники „предавались крѣпкому сну, а между тѣмъ діаволъ падакапывалъ стѣны, умерщвлялъ спящихъ и похищалъ внутреннія сокровища, дѣлая все безъ опасенія, какъ въ глубокой тѣмѣ“ ²⁾,—и онъ явился пророкомъ грозящей христіанскому міру катастрофы и неумолимымъ обличителемъ всѣхъ, кто, подобно червямъ, потачивалъ корень Церкви ³⁾.

¹⁾ Бесѣда XIII на Дѣян.

²⁾ Бес. XXIV на Рим. 9, 13: 13:

³⁾ Бес. XXVII на 1 Кор.

Грѣхъ доставлялъ св. Іоанну Златоусту ужаснѣйшія страданія, и онъ никогда не переставалъ говорить, что для него въ жизни „одно только печально—грѣхъ, все же остальное прахъ и дымъ“ ¹⁾, и что „погибель и одной души составляетъ такую потерю, которой не можетъ выразить никакое слово“ ²⁾. „Грѣхи служатъ причиною всѣхъ несчастій; за грѣхи посылаются печали, за грѣхи безпокойства, за грѣхи войны, за грѣхи болѣзни и всѣ тяжкія страданія, какія съ нами ни случаются“ ³⁾. Поэтому онъ одинъ рѣшился поднять войну противъ грѣха во всѣхъ его проявленіяхъ. Для тяжелой и не обѣщавшей быстро успѣха борьбы онъ вооружился сильнѣйшимъ въ мірѣ оружіемъ—краснорѣчіемъ. Христіанскій міръ видѣлъ на церковной кафедрѣ много проповѣдниковъ съ высокимъ ораторскимъ талантомъ классическимъ, но никогда еще краснорѣчіе не призывалось къ выполненію такой необычайной задачи, какую поставилъ себѣ Златоустъ, а потому никогда оно и не поднималось до такой поразительной высоты и энергіи ⁴⁾.

Какъ широко задумалъ Златоустъ задачу преобразованія нравовъ своего времени и съ какою настойчивостью онъ осуществлялъ ее, объ этомъ свидѣлствуютъ его многочисленнѣйшія церковныя бесѣды.

Св. Іоаннъ Златоустъ выступилъ на церковную кафедру не для того, чтобы своимъ словомъ только улаживать слушателей. „Развѣ мы безъ нужды и безъ цѣли хотимъ бесѣдовать съ вами, для того только, чтобы получить отъ васъ похвалу, чтобы вы съ рукоплесканіемъ расходились отсюда?“

1) Письмо XIV къ Олимпіадѣ.

2) Бес. III на Дѣян.

3) Бес. VII о покояніи.

4) Конечно, и внѣшнія обстоятельства его жизни и дѣятельности имѣли не малое вліяніе на развитіе его ораторскаго гения, но это—не столь существенно. Ср. Ackermann, Die Beredsamkeit des hl. J. Chrysostomus, 1889, S. 12—19.

Не для этого,—да не будетъ, а для вашей пользы. Для меня самая великая и достаточная похвала та, если кто отъ порока обратится къ добродѣтели“¹⁾. Эти слова, которыя онъ любилъ часто повторять въ своихъ бесѣдахъ, не были простымъ оборотомъ рѣчи, а искреннимъ признаемъ любящаго сердца добраго пастыря. Онъ дѣйствительно хотѣлъ былъ ближайшимъ руководителемъ своихъ пасомыхъ въ добродѣтельной жизни, ихъ учителемъ, отцомъ, братомъ, другомъ. „Вы мнѣ сограждане, говоритъ онъ: вы мнѣ отцы, вы мнѣ братія, вы мнѣ дѣти, вы мнѣ члены, вы мнѣ тѣло, вы мнѣ свѣтъ, даже гораздо усладительнѣе этого свѣта“²⁾. Полный любви и доброжелательства ко всѣмъ, онъ и самъ снимиваетъ себѣ отъ всѣхъ горячую преданность, и никогда между проповѣдникомъ и слушателями не существовало болѣе интимныхъ и искреннихъ отношеній. Въ глазахъ Златоуста слушатели не были безразличной массой, къ которой можно было обращаться съ разсужденіями общаго, отвлеченнаго характера. Онъ всегда видѣлъ передъ собою живыхъ людей, съ ясно выраженными запросами духа, которые и старался всячески удовлетворять; его всегда окружали люди, ожидавшіе отъ него опредѣленнаго наставленія и утѣшенія, которыя и получали въ самой обильной мѣрѣ³⁾.

Для нравственнаго перевоспитанія новаго поколѣнія христіанъ въ духѣ вѣры Златоустъ избираетъ методъ достойный его великаго проповѣдническаго генія. Онъ рѣшилъ, что людямъ должно предлагать наставленіе въ подвигахъ благочестія, если можно, каждый день, чтобы умъ ихъ всегда былъ занятъ предметами божественными,—и потому сталъ проповѣдывать такъ часто, какъ только представлялось возможнымъ. Онъ нашелъ, что этой цѣли наилучшимъ образомъ служатъ *испытаніе* св. Писанія,—и потому никогда не вы-

¹⁾ Бес. LIV на Быт.

²⁾ Бес. предъ отправл. въ ссылку. Ср. Бес. III на Дѣян.

³⁾ Ср. Abbé G. Marchal, S. J. Chrysostome, 1898, p. 112.

пускалъ изъ рукъ Библіи. „Мы предлагаемъ вамъ ежедневно эту духовную трапезу, говорилъ онъ о своихъ бесѣдахъ: чтобы непрерывнымъ наученіемъ и упражненіемъ въ бож. Писаніи оградить васъ отъ всякихъ навѣтовъ злого духа ¹⁾... Повѣствованія (Св. Писанія) приносятъ величайшую пользу. Въдь совершенно невозможно, чтобы душа, занимающаяся этими исторіями, могла когда поддаться страсти“ ²⁾. Златоустъ помялъ, что человѣку трудно сразу порвать со всеми своими худыми привычками, — и онъ постепенно объявляетъ войну отдѣльнымъ порокамъ и недостаткамъ людей, и ведетъ эту борьбу до тѣхъ поръ, пока не достигаетъ какихъ-либо ощутительныхъ результатовъ. „Собразивъ все свои недостатки, станемъ мало-по-маду исправлять ихъ, говорилъ онъ: опредѣлимъ для себя исправить въ настоящей мѣсяцъ одинъ недостатокъ, въ слѣдующій затѣмъ другой, а еще въ слѣдующій—третій. Такимъ образомъ, восходя, какъ бы по нѣкотораго рода ступенямъ, мы достигнемъ неба по лѣстницѣ Іаковлевоу ³⁾. Если кто хочетъ съ корнемъ исторгнуть страсть..., для этого исправленія не достаточно однодневнаго или двухдневнаго увѣщанія, а нужно часто и въ продолженіе многихъ дней бесѣдовать объ этомъ предметѣ,—если только хотимъ проповѣдывать не изъ честолюбія и для удовольствія, а для блага и пользы.. Это, мнѣ кажется, лучшій способъ наставленія—не переставать внушать, что бы то ни было, до тѣхъ поръ, пока не увидимъ, что внушеніе перешло въ дѣло. Кто говоритъ сегодня о милостынѣ, завтра о молитвѣ, послѣ-завтра о кротости, далѣе о смиренномудріи, тотъ не утвердитъ своихъ слушателей ни въ одной изъ этихъ добродѣтелей, потому что онъ постоянно переходитъ отъ одного предмета къ другому и отъ этого опять къ нио-

¹⁾ Бес. XXXVII на Быт.

²⁾ Бес. I о Дав и Саулѣ.

³⁾ Бес. LXXXIII на Іоан.

му“¹⁾. Этотъ способъ наставленія Златоустъ постепенно примѣняетъ въ отношеніи къ клятвамъ, гнѣву, памятозлобію, страсти къ зрѣлищамъ, сластолюбію, праздности и т. д. И только для корыстолюбія и сребролюбія дѣлаеть то исключеніе, что не устаетъ говорить о немъ едва-ли не въ каждой бесѣдѣ. Соціальная жизнь его времени настолько страдала отъ этого всеобщаго порока, что о нихъ дѣйствительно нужно было говорить день и ночь, хотя это и не всегда принималось слушателями съ любовью. „Можетъ быть кто-нибудь изъ васъ скажетъ: ты каждый день бесѣдуешь о любостыжаніи. О, если бы можно было говорить объ этомъ и каждую ночь! О, если бы и тотъ, кто сопутствуетъ вамъ на площади и сидитъ съ вами за трапезою, если бы и жены, и друзья, и дѣти, и рабы, и земледѣльцы, и сосѣди, и даже поль и стѣны могли изливать эту рѣчь, чтобы черезъ то, хотя немного, мы поудержались! Этотъ недугъ объятъ всю вселенную, обладаетъ душами всѣхъ,—и, поистинѣ, велика сила мамоны“²⁾.

Чтобы выполнить такую великую задачу, какъ перевоспитаніе цѣлаго поколѣнія вѣрующихъ, необходимо живое личное участіе самихъ вѣрующихъ въ этомъ дѣлѣ: только сознаніе себя виновникомъ грѣха и сильное желаніе исправиться можетъ привести человѣка къ новой жизни. Іоаннъ Златоустъ и направляетъ всю силу своего краснорѣчія на возбужденіе въ своихъ слушателяхъ этого сознанія и этого желанія, на воодушевленіе ихъ мыслью, что только ихъ личными усиліями можетъ быть обезпеченъ успѣхъ борьбы противъ власти застарѣлой привычки, противъ силы отеческихъ языческихъ обычаевъ и законовъ. Безвольнымъ людямъ слабой эпохи, легко склонявшимся къ убійственному для нравственной жизни фатализму³⁾, онъ всячески хочетъ внушить

1) Бес. I о Дав. и Саулѣ.

2) Бес. LXXVI на Іоан. Ср. Бес. XXXV на Быт.

3) Ср. Мандер, *op. cit.* <http://kdaia.kiev.ua>

мужество и увѣренность въ своей свободѣ. И въ этомъ отношеніи христіанскій міръ не знаетъ проповѣдника, равнаго ему по силѣ воздѣйствія на слушателей и по обилію средствъ, употребляемыхъ для ихъ назиданія и убѣжденія. Этотъ именно моментъ проповѣднаго слова и рисуетъ предъ нами св. Іоанна Златоустаго, какъ грознаго пророка и вдохновеннаго мученика.

Златоустъ вѣрилъ въ естественную любовь человѣка къ добродѣтели, и часто изображалъ красоту христіанскаго благочестія самыми привлекательными чертами, пользуясь для этого примѣрами библейскихъ праведниковъ. Но его современники, охотно слушая его восторженные рѣчи о добродѣтельной жизни, часто проливая даже слезы умиленія ¹⁾, въ то же время оказывались безсильными побороть въ себѣ нравственную инертность однимъ лишь созерцаніемъ высокыхъ образцовъ святости; поэтому онъ приходитъ къ нимъ на помощь съ богатѣйшимъ запасомъ другихъ побужденій къ добру. Когда сила воодушевленія святою ревностью о спасеніи людей расширяла его проповѣдное слово, превращая послѣднее въ многоводную рѣку или—лучше—въ бурный потокъ,—онъ привлекалъ къ дѣлу увѣщанія все, что только могли представить для этой цѣли его обширный и ясный умъ, его тонкая наблюдательность, его богатое, неистощимое воображеніе. Онъ считалъ дозволенными для себя „все способы, которыми бы онъ могъ сдѣлать полезное для души“ ²⁾. Земля, съ ея непостоянными радостями и многочисленными страданіями, небо съ его вѣчною жизнью и неизреченнымъ блаженствомъ, адъ съ его скрежетомъ зубовымъ и неискончаемыми мученіями,—все въ устахъ Златоуста говоритъ о необходимости для человѣка непрерывной борьбы съ порокомъ, все призывается во свидѣтельство того, что эта борьба должна быть начата и

¹⁾ Бес. II о Дав. и Саулѣ.

²⁾ Бес. XXX на Дѣян.

вполнѣ возможна, — стоитъ только захотѣть. Златоустъ отлично знаетъ всѣ мелочи повседневной жизни своихъ слушателей, всѣ нравы ихъ, весь ихъ бытъ, и отсюда заимствуетъ сильнѣйшія средства для исправленія грѣшниковъ, часто заставляя послѣднихъ учиться любомудрію даже у безсловесныхъ животныхъ. „Я не стыжусь развѣдывать (о вашей домашней жизни), говоритъ онъ: потому что эта любознательность происходитъ не отъ пытливости, но отъ заботливости. Не безчестіе для врача освѣдомляться о болящемъ; и намъ не порокъ всегда разузнавать о вашемъ спасеніи; ибо, узнавъ такимъ образомъ, что вамъ исполнено и что осталось недѣланнымъ, мы съ должнымъ разумѣніемъ приложимъ и остальные лѣкарства“¹⁾.

Но, кажется, ничѣмъ Златоустъ не пользуется такъ часто и постоянно для убѣжденія своихъ слушателей въ необходимости для нихъ добродѣтельной жизни, какъ изображеніемъ непрочности всего земного и непостоянства человѣческихъ дѣлъ. Знаменитую бесѣду на Евтропія онъ начинаетъ словами, въ которыхъ наилучшимъ образомъ отразился господствующій характеръ его увѣщаній: „Всегда, но особенно теперь благовременно сказать: *Суета суетствій, всяческая суети* (Еккл. 1, 2). Гдѣ теперь пышная обстановка... Гдѣ блестящіе свѣтильники? Гдѣ рукоплесканія и ликованія, пиршества и праздники?... Все прошло... Все это было какъ ночь и сновидѣніе, и съ наступленіемъ дня исчезло; это были весенніе цвѣты, и съ наступленіемъ весны все увяло; была тѣнь — и прошла, былъ дымъ — и разсѣялся; были пузыри — и лопнули; была паутина — и расторглась. Посему и воспѣваемъ это духовное изреченіе, *постоянно* повторяя: *суета суетствій и всяческая суета*. Это изреченіе *навсегда*

¹⁾ Бес. IX о статуяхъ. — Ср. о приемахъ проповѣдническаго слова Златоуста у проф. И. И. Малышевскаго, *Св. Юанія Златоуста въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера*. Кіевъ, 1892, стр. 185 и дал.

должно быть написано и на стѣнахъ, и на одеждахъ, и на площади, и на домѣ, и на дорогахъ, и на дверяхъ, и въ предверіяхъ, и въ особенности на совѣсти каждаго, и должно быть повторяемо постоянно“...

Но и герои устаютъ въ непрерывной борьбѣ; и ихъ мечи притупляются отъ времени и понемногу опускаются. Златоустъ же не зналъ утомленія во все свое двадцатилѣтнее служеніе Церкви посредствомъ проповѣдническаго слова. Наоборотъ, чѣмъ шире развивалась его дѣятельность, тѣмъ энергичнѣе онъ выступалъ противъ своего врага, тѣмъ выше поднималъ онъ святое знамя христіанскаго благочестія, тѣмъ настойчивѣе призывалъ онъ къ покаянію и исправленію. Въ Антиохіи, гдѣ онъ 12 лѣтъ проповѣдывалъ, его служеніе протекло сравнительно мирно, спокойно; но въ Константинополѣ онъ уже весь горитъ, не зная ни одной минуты отдыха. Здѣсь онъ нашелъ тотъ корень зла, съ устраненіемъ котораго все бы легко могло измѣниться: на него онъ и набросился со всѣмъ мужествомъ мученика и довелъ борьбу до такой интенсивности, что міръ никогда не перестанетъ удивляться его необыкновенному героизму и благоговѣть передъ его лучезарною святостію ¹⁾.

Св. Іоаннъ Златоустъ до конца своихъ дней оставался вѣрнымъ своему служенію; до послѣдней минуты своей жизни онъ сокрушался о грѣхѣхъ и порокахъ и обличалъ ихъ со всею безпощадностью воина Христова. Такое постоянство и настойчивость тѣмъ болѣе удивительны, что въ его проповѣдяхъ, относящихся къ различнымъ періодамъ его дѣятельности, часто слышатся и *скорбныя ноты*, звучація уныло, тоскливо, и свидѣтельствующія о весьма слабыхъ результатахъ его гигантской работы. Вотъ нѣкоторыя жалобы Златоуста на безпечность и равнодушіе, которыми современники отвѣчали на его апостольскіе призывы къ добродѣтели.

¹⁾ Русск. Пр. стр. 361. Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией, <http://kdais.kiev.ua>

„Нынѣ любовь оскудѣваетъ; осталось только имя ея, а на дѣлѣ ея нѣтъ, но раздѣлились мы между собою ¹⁾. Осталось одно пустое имя братства, и не могу придумать, какъ достойно оплакать такое печальное зрѣлище ²⁾... Причину всѣхъ золъ составляетъ отсутствіе любви; оно разрушило и уничтожило все великое и славное въ Церкви, все то, ради чего должно радоваться ³⁾... Болѣзнь коснулась и Церкви, все извратила, расторгла союзъ тѣла и, вооружаемые завистью, мы встаемъ другъ противъ друга. Отсюда произошло великое развращеніе... Если корень шатается, потому что внутри полточенъ червемъ, то дерево упадетъ, хотя бы ни кто его не трогалъ. Долго ли будемъ и мы, подобно червямъ, подтачивать корень Церкви?... Я вижу, что многочисленныя чада Церкви повержены нынѣ долу, подобно мертвому тѣлу... Мы погасили ревность и тѣло Христово сдѣлалось мертвымъ. Страшно выговорить это, но гораздо страшнѣе видѣть это на самомъ дѣлѣ. По имени мы братья, а на дѣлѣ мы враги; всѣ называемся членами одного тѣла, а чужды другъ другу, какъ звѣри ⁴⁾... Дѣла Церкви находятся въ весьма худомъ состояніи, хотя вы думаете, что она въ мирѣ. То тяжело, что, находясь среди множества золъ, мы даже не знаемъ, что находимся во злѣ ⁵⁾... Церковь разрушена и повержена долу, такъ какъ всѣ одинаково рабствуютъ грѣху ⁶⁾... Мы заслуживаемъ сожалѣнія потому, что проповѣдуемъ въ мертвыя души и тершимъ ущербъ, каждый день сѣя и не имѣя возможности собрать какой-либо плодъ ⁷⁾... Въдь вы должны согласиться, что еслибы была какая-нибудь

1) Бес. XL на Дѣян.

2) Бес. VIII на Рим.

3) Бес. V на Тес.

4) Бес. XXVII на 2 Кор.

5) Бес. XXIX на Дѣян.

6) Бес. X на Еф.

7) Бес. VI на Быт. Ср. Бес. XLI на Быт.

польза въ продолженіе такого времени, то намъ уже слѣдовало бы прекратить свои бесѣды, и вамъ не нужны были бы наши слова“ ¹⁾).

При такихъ обстоятельствахъ, когда трудъ не увѣчивается успѣхомъ или приписать только самый незначительный плодъ, обыкновенному работнику невозможно не поддаваться унынію. Но Іоаннъ Златоустъ чувствовалъ въ себѣ пророческое призваніе, и часто говорилъ подобно прор. Іереміи, что не можетъ не проповѣдывать, хотя и мало исправляются слушатели отъ его проповѣдей ²⁾ И онъ дѣйствительно продолжалъ проповѣдывать и послѣ того, какъ былъ лишенъ возможности появляться на церковной каѳедрѣ. Тѣ многочисленныя письма, которыя онъ писалъ изъ мѣста своей ссылки, являются по своему характеру прекрасными проповѣдями—и именно о томъ же, что всегда занимало его.

Такова была проповѣдь св. Іоанна Златоуста съ внутренней своей стороны. Все любятъ сравнивать съ проповѣдью другихъ выдающихся церковныхъ ораторовъ древняго и новаго времени, и съ удовольствіемъ отмѣчаютъ неизмѣримое превосходство ораторскаго таланта знаменитаго антиохійскаго свитателя ³⁾. Но истинное величіе Златоуста заключается не въ тѣхъ необыкновенныхъ качествахъ его легкаго, изящнаго, безкопечно-разнообразнаго, блестящаго всеми красками восточной поэзіи, слога, которыми онъ плѣняетъ насъ изъ глубины пятнадцати вѣковъ; равно—и не въ тѣхъ поразительныхъ образахъ его неистощимой фантазіи, которые и до сихъ поръ вскрываютъ предъ нами художественныя картины нравовъ тогдашняго времени, дѣйствующія на насъ съ неотразимою силою ⁴⁾. Его величіе существенно связано съ

¹⁾ Бес. XXIX на Дѣян.

²⁾ Бес. LXXXII на Іоан.

³⁾ Aekermann, op. cit. 150—154.

⁴⁾ Чисто ораторскія качества Златоустовской проповѣди особенно восхищали Вильмена, этого страстнаго поклонника

внутреннимъ характеромъ его слова, который можетъ быть названъ *покаяннымъ*. Онъ „всегда говоритъ божественнымъ и небеснымъ языкомъ, и съ великимъ искусствомъ преподаетъ евангельское слово; преимущественно же онъ обнаруживаетъ такое искусство тогда, когда обращается съ рѣчью о покаяніи къ согрѣшающимъ. По природѣ этотъ великій учитель былъ человекъ, а по волѣ—Божій служитель, почему онъ и говоритъ какъ бы небеснымъ языкомъ, и какъ будто возглаголюя изъ самыхъ небесъ, и грѣшниковъ устрашаетъ угрозами, и кающимся общаетъ прощеніе“¹⁾. Проникнутый энтузіастическою вѣрою первыхъ вѣковъ христіанства, этотъ несравнимый проповѣдникъ-мученикъ дѣлаетъ гигантскія усилія сокрушить язычество, незаметно прокрадываясь въ нѣдра самой Церкви Христовой, остановить разбушевавшееся море грѣха и вдохнуть въ своихъ современниковъ новую жизнь,—и въ этомъ тайна безсмертія огненной Златоустовской проповѣди. Она всегда будетъ трогать людей до слезъ, и всегда будетъ служить идеаломъ настѣрскаго церковнаго слова именно по этой своей сторонѣ, ибо какія бы задачи ни ставило церковной каееарѣ то или другое время, для нея навсегда останется божественнымъ закономъ—проповѣдывать о покаяніи и спасеніи и при томъ проповѣдывать подобно Іоанну Златоусту, о которомъ можно сказать словомъ евангельской самарянки: пойдите, посмотрите человека, который сказалъ намъ все, что мы сдѣлали.

Свящ. Н. Гроссу.

классической литературы. Tableau d'eloquence chrétienne au IVe siècle, 1863, p. 175--177. Ср. Хр. А. Παπαδοπούλου. Ὁ Ἰωάννης Χρυσόστομος, ὡς ῥήτωρ καὶ διδάσκαλος, 1898, σ. 25, и дал.

¹⁾ Бес. VII о покаяніи.—Эти слова Златоуста о св. а. Павлѣ лучше всего характеризуютъ его собственную проповѣдь.